

РѢКА ЖИЗНИ.

Хозяйская комната въ номерахъ «Сербія». Желтые обои; два окна съ тюлевыми грязными занавѣсками; между ними раскосое овальное зеркало, наклонившись подъ угломъ въ 45 градусовъ, отражаетъ въ себѣ крашеный полъ и ножки креселъ; на подоконникахъ пыльные, бородавчатые кактусы; подъ потолкомъ клѣтка съ канарейкой. Комната перегороджена красными ситцевыми ширмами. Меньшая, лѣвая часть—это спальня хозяйки и ея дѣтей, правая же тѣсно заставлена всякой случайной разнофасонной мебелью, просиженной, раскоряченной и хромоногой. По угламъ комнаты сваленъ безпорядочно всяческій, покрытый паутиной хламъ: астролябія въ рыжемъ кожаномъ чехлѣ и при ней тренога съ цѣпью, нѣсколько старыхъ чемодановъ и сундуковъ, безструнная гитара, охотничьи сапоги, швейная машина, музыкальный ящикъ «Монопанъ», фотографическій аппаратъ, штукъ пять лампъ, груды книгъ, веревки, узлы бѣлья и многое другое. Всѣ эти вещи были въ разное время задержаны хозяйкой за неплатежъ или покинуты сбѣжавшими жильцами. Отъ нихъ въ комнатѣ негдѣ повернуться.

«Сербія»—гостиница третьяго разбора. Постоянные жильцы въ ней рѣдкость, и тѣ—проститутки. Преобладаютъ случайные пассажиры, приплывающіе въ городъ по Днѣпру: мелкіе арендаторы, еврей-коммиссіонеры, дальніе мѣщане, богомольцы и сельскіе попы, которые наѣзжаютъ въ большой городъ съ доносами, или возвращаются домой послѣ доноса. Занимаются также номера въ «Сербіи» парочками изъ города на ночь и на время.

Весна. Четвертый часъ дня. Занавѣски на открытыхъ окнахъ тихо колеблются. Въ комнатѣ пахнетъ керосиновымъ чадомъ и тушеной капустой. Это хозяйка разогрѣваетъ на машинкѣ бигосъ польски изъ капусты, свиного сала и колбасы съ громаднымъ количествомъ перца и лавроваго листа. Она вдова, лѣтъ 36—40, видная, крѣпкая, проворная женщина. Волосы, которые она завиваетъ на лбу въ мелкіе кудерьки, тронуты сильной сѣдиной, но лицо у нея свѣжее; чувствениый большой ротъ красенъ, а темные, совсѣмъ молодые глаза влажны и игриво-хитры. Имя от-

чество ея Анна Фридриховна—она полунѣмка, полуполька изъ Остзейскаго края—но близкіе знакомые называютъ ее просто Фридрихомъ, и это больше идетъ къ ея рѣшительному характеру. Она гнѣвлива, крикунья и страшная сквернословка; дерется иногда со своими швейцарами и съ подгулявшими жильцами; можетъ выпить наряду съ мужчинами и до безумія любитъ танцы; переходы отъ ругани къ смѣху у нея мгновенны. Къ законамъ она чувствуетъ мало уваженія: принимаетъ гостей безъ паспортовъ, а неисправнаго жильца собственноручно «выкидаетъ на улицу», какъ она сама выражается, т.-е. въ отсутствіе жильца отпираетъ его номеръ и выноситъ его вещи въ корридоръ, или на лѣстницу, а то и въ свою комнату. Полиція съ ней дружна изъ за ея гостепріимства, живого характера и, въ особенности, изъ-за той веселой, легкой, безцеремонной и безкорыстной податливости, съ которой она отвѣчаетъ на мимолетное мужское чувство.

У нея четверо дѣтей. Двое старшихъ, Ромка и Аличка, еще не пришли изъ гимназій, а младшіе—семилѣтній Адька и пятилѣтній Эдька, здоровые мальчуганы со щеками пестрыми отъ грязи, отъ лишаевъ, отъ размазанныхъ слезъ и отъ ранняго весенняго загара, торчатъ около матери. Они оба держатся руками за край стола и попрошайничаютъ. Они всегда голодны, потому что ихъ мать насчетъ стола беспечна: ѣдятъ кое-какъ въ разные часы, посылая въ мелочную лавочку за всякой всячиной.

Вытянувъ губы трубой, нахмуривъ брови, глядя изподлобья, Адька гудитъ угрюмымъ басомъ:

— Ишь ты кака-ая, не даешь попробовать...

— Да-ай попло-обуву-уть, —тянетъ за нимъ въ носъ Эдька и чешетъ босой ножкой икру другой ноги.

За столомъ у окна сидитъ поручикъ запаса арміи Валерьянъ Иванычъ Чижевичъ. Передъ нимъ домовая книга, въ которую онъ вписываетъ паспорта постояльцевъ. Но, послѣ вчерашняго, работа идетъ у него плохо, буквы рябятъ и расползаются, дрожащіе пальцы не ладятъ съ перомъ, а въ ушахъ гудитъ, какъ осенью въ телефонномъ столбѣ. Временами ему кажется, что голова у него начинаетъ пухнуть, пухнуть, и тогда столъ съ книгой, съ чернильницей и съ поручиковой рукой уходятъ страшно далеко и становятся совсѣмъ маленькими, потомъ, наоборотъ, книга приближается къ самымъ его глазамъ, чернильница растетъ и двоятся, а голова уменьшается до смѣшныхъ и странныхъ размѣровъ.

Наружность поручика Чижевича говоритъ о бывшей красотѣ и утраченномъ благородствѣ: черные волосы ежикомъ, но на затылкѣ просвѣчиваетъ лысина, борода острижена по модному остримъ клинушкомъ, лицо худое, грязно блѣдное, истасканное

и на немъ какъ будто написана вся исторія поручиковыхъ явныхъ слабостей и тайныхъ болѣзней.

Положеніе его въ померахъ «Сербія» сложное: онъ ходитъ къ мировымъ судьямъ по дѣламъ Анны Фридриховны, репетируетъ ея дѣтей и учитъ ихъ свѣтскимъ манерамъ, ведетъ квартирную книгу, пишетъ счета постояльцамъ, читаетъ по утрамъ вслухъ газету и говоритъ о политикѣ. Ночуетъ онъ обыкновенно въ одномъ изъ пустующихъ номеровъ, а въ случаѣ наплыва гостей, и въ корридорѣ на древнемъ диванѣ, у котораго пружины вылѣзли наружу вмѣстѣ съ мочалкой. Въ послѣднемъ случаѣ поручикъ аккуратно развѣшиваетъ надъ диваномъ, на гвоздикахъ, все свое имущество: пальто, шапку, лоснящійся отъ старости, бѣлый по швамъ, но чистенькій сюртучокъ, бумажный воротникъ «Монополь» и офицерскую фуражку съ синимъ околомъ, а записную книжку и платокъ съ чужой мѣткой кладетъ подъ подушку.

Вдова держитъ своего поручика въ черномъ тѣлѣ. «Женись—тогда я тебѣ все заведу,—обѣщаетъ она:—полную кипировку и что нужно изъ бѣлья, и ботинки съ калошами приличныя. Все у тебя будетъ и даже по праздникамъ будешь носить часы моего покойника съ цѣпью». Но поручикъ покамѣстъ все еще раздумываетъ. Онъ дорожитъ свободой, и слишкомъ высоко цѣнитъ свое бывшее офицерское достоинство. Однако, кое-что старенькое изъ бѣлья покойника онъ донашиваетъ.

Время отъ времени въ хозяйскомъ номерѣ происходятъ бури. То поручикъ при помощи своего воспитанника Ромки продастъ букинисту кипу чужихъ книгъ, то перехватитъ, пользуясь отсутствіемъ хозяйки, суточную плату за номеръ, то заведетъ втайнѣ игривыя отношенія съ горничной. Какъ разъ, наканунѣ, поручикъ злоупотребилъ кредитомъ Анны Фридриховны въ трактирѣ напротивъ, это всплыло наружу, и вотъ вспыхнула ссора съ руганью и съ дракой въ корридорѣ. Двери всѣхъ номеровъ раскрылись и изъ нихъ выглянули съ любопытствомъ мужскія и женскія головы. Анна Фридриховна кричала такъ, что ее было слышно на улицѣ:

— Вонъ отсюда разбойникъ, вонъ босявка! Я всѣ кровныя труды на тебя потратила! Ты моихъ дѣтей кровную копѣйку заѣдаешь!..

— Нашу копѣйку заѣдаешь!—оралъ гимназистъ Ромка, кривляясь за материнской юбкой.

— Заѣдаешь!—вторили ему въ отдаленіи Адька съ Эдькой.

Швейцаръ Арсеній молча, съ каменнымъ видомъ, сопя, напиралъ грудью на поручика. А изъ номера девятаго какой-то мужественный обладатель великолѣпнѣйшихъ черныхъ бакенбардъ, высунувшись изъ дверей до половины, въ нижнемъ бѣлѣ и по-

чему-то съ круглой шляпой на головѣ, совѣтовалъ рѣшительнымъ тономъ:

— Арсень! Дай ему между глазъ.

Такимъ образомъ поручикъ былъ вытѣсненъ на лѣстницу. Но, такъ какъ на эту же лѣстницу отворялось широкое окно изъ корридора, то Анна Фридриховна еще продолжала кричать вслѣдъ поручику, свѣсившись внизъ:

— Каналья, шарлатанщикъ, разбишака, босявка кievская!

— Босявка! босявка! — Надсаживались въ корридорѣ мальчишки.

— И чтобы ноги твоей больше здѣсь не было! И вещи свои паршивыя забирай съ собой! Вотъ они, вотъ тебѣ, вотъ!

Въ поручика полетѣли сверху позабытыя имъ впопыхахъ вещи: палка, бумажный воротничекъ и записная книжка. На послѣдней ступенькѣ поручикъ остановился, поднялъ голову и погрозилъ кулакомъ. Лицо у него было блѣдно, надъ правымъ глазомъ краснѣла ссадина.

— Под-дождите, сволочи, я все докажу, кому слѣдуетъ. Ага! Сводничаютъ! Грабятъ жильцовъ!..

— А ты иди, иди, пока цѣль,—говорилъ сурово Арсеній, наваливаясь сзади и тѣсня поручика плечомъ.

— Прочь, хамъ! Не имѣешь права касаться офицера!—воскликнулъ гордо поручикъ.—Я все знаю! Вы здѣсь безъ паспорта пускаете! Укрываете! Краденое укрываете! Пристано...

Но тутъ Арсеній ловко обхватилъ поручика сзади, дверь со звономъ и съ дребезгомъ хлопнула, два человѣка, свившись клубкомъ выкатились на улицу, и уже оттуда донеслось гнѣвное:

— держательствуете!

Сегодня утромъ, какъ это всегда бывало раньше, поручикъ Чижевичъ явился съ повинной, принесъ съ собою букетъ наломанной въ чужомъ саду сирени. Лицо у него утомлено, вокругъ ввалившихся глазъ тусклая синева, виски желты, одежда нечищена, въ головѣ пухъ. Примиреніе идетъ туго. Анна Фридриховна еще недостаточно насладились униженнымъ видомъ своего любовника и его покаянными словами. Кромѣ того она немного ревнуетъ Валерьяна къ тѣмъ тремъ ночамъ, которыя онъ провелъ неизвѣстно гдѣ.

— Нюничка, а куда же...—начинаетъ поручикъ необыкновенно кроткимъ и нѣжнымъ даже слегка дрожащимъ фальцетомъ.

— Что та-ко-е? Кто это вамъ здѣсь за Нюничка! — презрительно обрываетъ его хозяйка.— Всякій гипель и тоже—Нюничка!

— Нѣтъ, видишь ли, я только хотѣлъ спросить тебя, куда выписать Прасковью Увертышеву, 34-хъ лѣтъ? Тутъ нѣтъ помѣтки.

— Ну и выписывай на толчекъ. И себя туда же можешь выписать. Одна компанія. Или въ постельку.

«Стерва!» — думаетъ поручикъ, но только глубоко и покорно вздыхаетъ:

— Какая ты сегодня нервная, Нюничка!

— Нервная... Какая бы я тамъ ни была, а я знаю про себя, что я женщина честная и трудящая... Прочь, вы, байструки! — кричитъ она на дѣтей, и вдругъ — шлепъ! шлепъ! — два мѣткихъ удара ложкой влетаютъ по лбу Адкѣ и Эдкѣ. Мальчики хнычутъ.

— Проклятое мое дѣло, и судьба моя проклятая... — ворчитъ сердито хозяйка. — Какъ я за покойнымъ мужемъ жила, я никакого горя себѣ не видѣла. А теперь, какъ ни швейцаръ — такъ пьяница, а горничные всѣ воровки. Цыцъ, вы, проклятики!.. Вотъ и эта Проська, двухъ дней не прожила, а ужъ изъ номера 12-го у дѣвушки чулки стащила. А то еще бываютъ нѣкоторые другіе, которые только по трактирамъ ходятъ за чужія деньги, а дѣла никакого не дѣлаютъ...

Поручикъ очень хорошо знаетъ, на кого намекаетъ Анна Фридриховна, но сосредоточенно молчитъ. Запахъ бигоса вселиваетъ въ него кое-какія далекія надежды. Въ это время дверь отворяется и входитъ, не снимая съ головы фуражки съ тремя золотыми позументами, швейцаръ Арсеній. У него наружность скопца и альбиноса, и все нечистое лицо въ буграхъ. Онъ служитъ у Анны Фридриховны по крайней мѣрѣ въ сороковой разъ и служитъ до перваго запоя, пока хозяйка собственноручно не приберетъ его и не прогонитъ, отнявъ сначала у него символъ власти — фуражку съ позументами. Тогда Арсеній надѣнетъ бѣлую кавказскую попаху на голову и темно-синее пенсне на носъ, будетъ куражиться въ трактирѣ напротивъ, пока весь не пропьется, а подъ конецъ загула будетъ горько плакать передъ равнодушнымъ половымъ о своей безнадежной любви къ Фридриху и будетъ угрожать смертью поручику Чижевичу. Протрезвившись, онъ явится въ «Сербію» и упадетъ хозяйкѣ въ ноги. И она опять приметъ его, потому что новый швейцаръ, замѣнявшій Арсенія, уже успѣлъ за этотъ короткій срокъ обворовать ее, напиться и наскандалить и даже попасть въ участокъ.

— Ты что? Съ парохода? — спрашиваетъ Анна Фридриховна.

— Да. Привелъ шесть богомольцевъ. Насилу отнял у Якова изъ «Коммерческой». Онъ уже ихъ велъ, а я подошелъ къ одному и говорю на ухо: «миѣ, говорю, все равно, идите хоть куда хотите, а какъ вы люди въ здѣшнихъ мѣстахъ неизвѣстные, и миѣ васъ ужасно жалко, то я вамъ скажу, чтобы вы лучше за этимъ человѣкомъ не ходили, потому что у нихъ въ гостиницѣ на прошлой недѣлѣ богомольцу одному подсыпали порошку

и обокрали». Такъ и увелъ ихъ. Яковъ потомъ мнѣ кулакомъ издалека грозился кричить: ты постой у меня, Арсентій, я тебя еще споймаю, ты моихъ рукъ не убѣжишь! Но только я ему и самъ, если придется...

— Ладно!— прерываетъ его хозяйка.— Большое мнѣ дѣло до твоего Якова. По сколько сговорились?

— По тридцать копѣекъ. Ей Богу, барыня, какъ ни уговаривалъ, больше не даютъ.

— У, дурень ты, ничего не умѣешь. Отведи имъ номеръ второй.

— Всѣхъ въ одинъ?

— Дуракъ: нѣтъ, каждому по два номера. Конечно, въ одинъ. Принести имъ матрацовъ, изъ старыхъ, три матраца принести. А на диванъ— скажи, чтобы не смѣли ложиться. Всегда отъ этихъ богомольцевъ клопы. Ступай!

По уходѣ его, поручикъ замѣчаетъ вполголоса нѣжнымъ и заботливымъ тономъ:

— Я удивляюсь, Нюточка, какъ это ты позволяешь ему входить въ комнату въ шапкѣ. Это же все-таки неуваженіе къ тебѣ, какъ къ дамѣ и какъ къ хозяйкѣ. И потомъ— посуди, мое положеніе: я офицеръ въ запасѣ, а онъ все-таки... нижній чинъ. Неудобно какъ-то.

Но Анна Фридриховна набрасывается на него съ новымъ ожесточеніемъ.

— Нѣтъ, ужъ ты пожалуйста не суйся, куда тебя не сирашиваютъ. О фи-церъ! Такихъ офицеровъ много у Терещенки въ приютѣ ночуетъ. Арсентій человекъ трудящійся, онъ свой кусокъ зарабатываетъ... не то что... Прочь, вы, лайдаки! Куда съ руками лѣзете!

— Да-а..., нѣ дае-ешь!— гудитъ Адька.

— Не да-ѣ-ось!..

Между тѣмъ бигосъ готовъ. Анна Фридриховна гремитъ посудой на столѣ. Поручикъ въ это время старательно припалъ головой къ домовой книгѣ. Онъ весь ушелъ въ дѣло.

— Что жъ, садись что-ли.— отрывисто приглашаетъ хозяйка.

— Нѣтъ, спасибо, Нюточка. Кушай сама. Мнѣ что-то не очень хочется,— говоритъ Чижевичъ, не оборачиваясь, сдавленнымъ голосомъ и громко глотаетъ слюну.

— А ты иди, когда говорятъ. Тоже, скажите, задается. Ну, иди!..

— Сейчасъ, сію минуту, Нюточка. Вотъ только послѣдній листокъ дописать. По удостовѣренію, выданному изъ Бильдинскаго волостного правленія... губерніи... за номеромъ 2039... Готово.— Поручикъ встаетъ и потираетъ руки.— Люблю я поработать!

— Хм! Тоже работа!—презрительно фыркает хозяйка.—Садись.

— Нюничка, а если бы... одну... маленькую.

— Обойдется и безъ.

Но такъ какъ миръ почти уже водворенъ, то Анна Фридриховна достаетъ изъ шкафа маленькій пузатый граненый графинчикъ, изъ котораго пилъ еще отецъ покойнаго. Адька размазываетъ каусту по тарелкѣ и дразнить брата тѣмъ, что у него больше. Эдька обижается и реветъ:

— Адькѣ больсе полози-ила. Да-а!

Хлопъ!—звонкій ударъ ложкой поражаетъ Эдьку въ лобъ. И тотчасъ же, какъ ни въ чемъ не бывало, Анна Фридриховна продолжаетъ разговоръ:

— Разсказывай! Тоже мастеръ врать. Навѣрно валялся у какой-нибудь.

— Нюничка!—воскликаетъ поручикъ укоризненно и, оставивъ ѣсть, прижимаетъ руки—въ одной изъ нихъ вилка съ кускомъ колбасы—къ груди.—Чтобы я? О, какъ ты меня мало знаешь. Я скорѣе дамъ голову на отсѣченіе, чѣмъ позволю себѣ подобное. Когда я тотъ разъ отъ тебя ушелъ, то такъ мнѣ горько было, такъ обидно! Иду я по улицѣ и, можешь себѣ представить, заливаюсь слезами. Господи, думаю, и я позволилъ себѣ нанести ей оскорбленіе. Кому-у! Ей! Единственной женщинѣ, которую я люблю такъ свято, такъ безумно...

— Хорошо поешь,—вставляетъ польщенная, хотя все еще немного недовѣрчивая хозяйка.

— Да!—ты не вѣришь мнѣ!—возражаетъ поручикъ съ тихимъ, но глубокимъ трагизмомъ.—Ну что-жъ, я заслужилъ это. А я каждую ночь приходилъ подъ твои окна и въ душѣ творилъ молитву за тебя.—Поручикъ быстро опрокидываетъ рюмку, закусываетъ и продолжаетъ съ набитымъ ртомъ и со слезящимися глазами:—И я все думалъ, что если бы случился вдругъ пожаръ, или напали разбойники. Я бы тогда доказалъ тебѣ. Я бы съ радостью отдалъ за тебя жизнь... Увы, она и такъ недолга,—вздыхаетъ онъ.—Дни мои сочтены...

Въ это время хозяйка роется въ кошелькѣ.

— Скажите пожалуйста!—возражаетъ она съ кокетливой насмѣшкой.—Адька, вотъ тебѣ деньги, сбѣгай къ Василь Василичу за бутылкой пива. Только скажи, чтобы свѣжаго. Живо!

Завтракъ уже оконченъ, бигосъ съѣденъ и пиво выпито, когда появляется развращенный гимназистъ приготовительнаго класса Ромка, весь въ мѣлу и въ чернилахъ. Еще въ дверяхъ онъ оттопыриваетъ губы и дѣлаетъ сердитые глаза. Потомъ швыряетъ ранецъ на полъ и начинаетъ завывать:

— Да-а... безъ меня все поѣли. Я голодный, какъ соба-а-ака..

— А у меня еще есть, а я тебѣ не дамъ,—дразнить его Адька, показывая издали тарелку.

— Да-а-а... Это сви-и-и-нство,—тянетъ Ромка.—Мама вели А-адькѣ...

— Молчать!—вскрикиваетъ пронзительно Анна Фридриховна.— Ты бы еще до ночи шлялся. Вотъ тебѣ пятачекъ. Купи колбасы и довольно съ тебя.

— Да-а, пятачокъ! Сами съ Валерьянъ Иванычемъ бигосъ ѣдятъ, а меня учиться заставляютъ. Я какъ со-ба-ака...

— Вонъ!—кричитъ Анна Фридриховна страшнымъ голосомъ и Ромка поспѣшно исчезаетъ. Однако, онъ успѣваетъ схватить съ полу свой ранецъ: въ головѣ у него мгновенно родилась мысль— пойти продать свои учебники на толкучкѣ. Въ дверяхъ онъ сталкивается съ своей старшей сестрой Аличкой и, пользуясь случаемъ, щиплетъ ее больно за руку. Аличка входитъ, громко жа-луясь:

— Мама, вели Ромкѣ, чтобы онъ не щипался.

Она хорошенькая тринадцатилѣтняя дѣвочка, начинающая рано формироваться. Она желто-смуглая брюнетка, съ прелестными, но не дѣтскими темными глазами. Губы у нея красныя, полныя и блестящія, и надъ верхней губкой слегка зачерненной легкимъ пушкомъ, двѣ милыя родинки. Она общая любимица въ номерахъ. Мужчины дарятъ ей конфеты, часто зазываютъ къ себѣ, цѣлуютъ и говорятъ безстыдныя вещи. Она все знаетъ, что можетъ знать взрослая дѣвушка, но никогда въ этихъ случаяхъ не краснѣетъ, а только опускаетъ внизъ свои черныя, длинныя рѣсницы, бросающія синія тѣни на янтарныя щеки, и улыбается странной, скромной, нѣжной и въ то же время сладострастной, какой-то ожидающей улыбкой. Ея лучшая пріятельница—дѣвица Женя, квартирующая въ номерѣ двѣнадцатомъ, тихая, аккуратная въ платѣ за квартиру, полная блондинка, которую содержитъ какой-то купецъ-дровяникъ, но которая въ свободные дни водить къ себѣ кавалеровъ съ улицы. Эту особу Анна Фридриховна весьма уважаетъ и говоритъ про нее: «Ну что-жъ, что Женичка дѣвка, зато она женщина самостоятельная».

Увидѣвъ, что обѣдъ съѣденъ, Аличка вдругъ дѣлаетъ одну изъ своихъ принужденныхъ улыбокъ и говоритъ тонкимъ голоскомъ, громко и нѣсколько театрално:

— Ахъ, вы уже пообѣдали. Я опоздала. Мама можно мнѣ пойти къ Евгениіи Николаевнѣ?

— Ахъ, иди куда хочешь!

— Мерси.

Она уходитъ. Послѣ завтрака водворяется полный миръ. По-

ручикъ шепчетъ на ухо вдовѣ самыя пылкія слова, и жметъ ей подъ столомъ круглое колѣно, и она, раскраснѣвшись отъ обѣда и отъ пива, то прижимается къ нему плечомъ, то отталкиваетъ его и стонетъ съ нервнымъ смѣшкомъ.

— Да, Валеріанъ! Безстыдникъ. Дѣти!

Адъка и Эдька смотрятъ на нихъ, засунувъ пальцы въ ротъ и широко разинувъ глаза. Мать вдругъ набрасывается на нихъ:

— Идите гулять, лаборданцы. И я васъ. Разсѣлись, точно въ музеѣ. Маршъ, живо!

— Когда я не хочу гулять,—гудитъ Адъка.

— Я не хоц-у-у.

— Я вотъ дамъ не хочу. Двѣ копѣйки на леденцы — и маршъ!

Она запираетъ за ними дверь, садится къ поручику на колѣни и они начинаютъ цѣловаться.

— Ты не сердисься, мое золотцо? — шепчетъ ей на ухо поручикъ.

Но въ дверь стучатъ. Приходится отпирать. Входитъ новая горничная, высокая, мрачная, одноглазая женщина и говоритъ хрипло, съ свирѣпымъ выраженіемъ лица:

— Тамъ двѣнадцатый номеръ самоваръ требуетъ, и чай, и сахаръ.

Анна Фридриховна нетерпѣливо выдаетъ все, что нужно. Поручикъ, раскинувшійся на диванѣ, говоритъ томно:

— Я бы отдохнулъ немного, Нюничка. Нѣтъ ли свободнаго номера? Здѣсь все люди толкутся.

Свободный номеръ оказывается только одинъ—пятый, и они отправляются туда. Номеръ въ одно окно, темный, узкій и длинный, какъ кегельбанъ. Кровать, комодъ, облупленный коричневый умывальникъ и ночной столикъ составляютъ всю его меблировку. Хозяйка и поручикъ опять начинаютъ цѣловаться, причемъ стонуть, какъ голуби весною на крышѣ.

— Нюничка: если ты меня любишь, мое сокровище, пошли за папиросами «Плезиръ», шесть копѣекъ десятокъ,—вкрадчиво говоритъ поручикъ, раздѣваясь.

— Потомъ...

Весенній вечеръ быстро темнѣетъ, и вотъ на дворѣ уже ночь. Въ окно слышны свистки пароходовъ на Днѣпрѣ, и скользятъ далекій запахъ травы, пыли, сирени, нагрѣтаго камня. Вода звонкими каплями мѣрно падаетъ внутри умывальника. Но въ дверь опять стучатся.

— Кто тамъ? Какого чорта все шляется! — кричитъ разбуженная Анна Фридриховна. Она босикомъ вскакиваетъ съ кровати и гнѣвно распахиваетъ дверь.—Ну, что еще нужно?

Поручикъ Чижевичъ стыдливо натягиваетъ на голову одѣяло.

— Студентъ спрашиваетъ номеръ,—суфлерскимъ шепотомъ говоритъ за дверью Арсеній.

— Какой студентъ? Скажи ему, что остался только одинъ номеръ и то въ два рубля. Онъ одинъ или съ женщиной?

— Одинъ.

— Такъ и скажи. И паспортъ, и деньги впередъ. Знаю я этихъ студентовъ.

Поручикъ поспѣшно одѣвается. Благодаря привычкѣ, онъ дѣлаетъ свой туалетъ въ десять секундъ. Анна Фридриховна въ это время ловко и быстро оправляетъ постель. Возвращается Арсеній.

— Заплатилъ впередъ,—говоритъ онъ мрачно.—И паспортъ вотъ.

Хозяйка выходитъ въ корридоръ. Волосы у нея разбились и прилипли ко лбу, на пунцовыхъ щекахъ оттиснулись складки подушки, глаза необычайно блестятъ. За ея спиной поручикъ безшумной тѣнью пробирается въ хозяйскій номеръ.

У окна на лѣстницѣ дожидается студентъ. Онъ свѣтловолосый, худощавый юноша съ длиннымъ, блѣднымъ, болѣзненно нѣжнымъ лицомъ. Голубоватые глаза смотрятъ точно сквозь туманъ, добродушны, близоруки и чуть-чуть косятъ. Онъ вѣжливо кланяется хозяйкѣ, отчего та смущенно улыбается и защелкиваетъ верхнюю кнопку на блузкѣ.

— Мнѣ бы номеръ,—говоритъ онъ мягко, точно робѣя.— Мнѣ надо ѣхать. И еще бы я попросилъ свѣчку, перо и чернила.

Ему показываютъ кегельбанъ. Онъ говоритъ: — Прекрасно, лучше нельзя требовать. Здѣсь чудесно. Только, вотъ, пожалуйста, перо и чернила.—Отъ чаю и отъ бѣлья онъ отказывается. Ему все равно.

Въ хозяйскомъ номерѣ горитъ лампа. На открытомъ окнѣ сидитъ поджавши ноги Аличка и смотритъ, какъ колышется внизу темная, тяжелая масса воды, освѣщенной электричествомъ, какъ тихо покачивается жидкая, мертвящая зелень тополей вдоль набережной. На щекахъ у нея горятъ два круглыхъ яркихъ красныхъ пятна, а глаза влажно и устало мерцаютъ. Издалека, съ той стороны рѣки, гдѣ сіяетъ огнями кафе-шантанъ, красиво плывутъ въ холодѣющемъ воздухѣ рѣзвые звуки вальса.

Пьютъ чай съ покупнымъ малиновымъ вареньемъ. Адька и Эдька накрошили себѣ въ чашки черного хлѣба, сдѣлали тюрю, измазали ею щеки, лбы и носы, и дѣлаютъ другъ другу рожи, пуская пузыри въ блюдечко. Ромка, вернувшійся съ синякомъ подъ глазомъ, торопливо, со свистомъ тянетъ чай изъ блюдечка.

Поручикъ Чижевичъ, разстегнувъ жилетъ и выпустивъ наружу бумажную грудь манишки, благодумствуетъ среди этой домашней идилліи, полулежа на диванѣ.

— Всѣ номера, слава Богу, заняты—вздыхаетъ мечтательно Анна Фридриховна.

— А что, все моя легкая рука!—говоритъ поручикъ.—Какъ я пришелъ, такъ и дѣло пошло.

— Ну, да, рассказывай.

— Нѣтъ, ей Богу, у меня рука необыкновенно легкая. У насъ въ полку, когда, бывало капитанъ Горжевскій мечетъ банкъ, то всегда сажаетъ меня около себя. Эхъ, какъ у насъ въ полку здорово рѣзались въ карты! Этотъ самый Горжевскій, еще поручикомъ, выигралъ во время турецкой войны двѣнадцать тысячъ. Пришелъ нашъ полкъ въ Букарешъ, ну, понятно, денегъ у гг. офицерства гибель, дѣвать было некуда, женщинъ нѣтъ. Начали картѣжъ. И вдругъ Горжевскій налетаетъ на шуллера. Прямо по мордѣ видать, что шуллеръ, но такъ ловко передергиваетъ, что невозможно услѣдить...

— Подожди, я сейчасъ приду,—перебиваетъ его хозяйка,—мнѣ только надо выдать полотенце.

Она уходитъ. Поручикъ подкрадывается къ Аличкѣ и близко наклоняется къ ней. Ея прекрасный профиль, темный на фонѣ ночи, тонко, серебристо и нѣжно очерченъ сіяніемъ электрическихъ фонарей.

— О чемъ, Аличка, задумались? Или, можетъ быть, о комъ?—спрашиваетъ онъ сладко, съ дрожью въ голосѣ.

Она отворачивается отъ него. Но онъ быстро приподнимаетъ ея толстую косу, цѣлуетъ ее подъ волосы въ теплую тонкую шейку и жадно нюхаетъ запахъ ея кожи.

— Я мамѣ скажу,—шепчетъ Аличка, не отодвигаясь.

Дверь открывается—это возвратилась Анна Фридриховна. Поручикъ тотчасъ же начинаетъ говорить неестественно-громко и развязно.

— Дѣйствительно, славно въ такую чудную, весеннюю ночь прокатиться на лодкѣ съ любимымъ существомъ, или съ близкимъ другомъ... Да, Нюничка, такъ вотъ, я продолжаю. Такимъ образомъ, Горжевскій пропускаетъ цѣлыхъ шесть тысячъ, чертъ по-бери! Наконецъ, его кто-то надоумилъ, онъ и говоритъ: «баста! Я такъ не буду играть. А вотъ не угодно-ли, прибьемъ колоду гвоздемъ къ столу и будемъ отрывать по картѣ?» Тотъ было на понятный. Но Горжевскій вынулъ револьверъ: «или играй собака, или пулю въ лобъ!» Ничего не подѣлаешь, шуллеръ сѣлъ, и главное такъ растерялся, что позабылъ, что сзади него зеркало, а Горжевскій сидитъ напротивъ, и ему въ зеркало всѣ карты партнера

видны. И Горжевскій не только свои отыгралъ, но еще выигралъ чистыхъ одиннадцать тысячъ. Онъ даже велѣлъ этотъ гвоздь оправить въ золото и теперь носитъ при часахъ, въ видѣ брелока. Очень оригинально...

Въ это время въ пятомъ номерѣ сидитъ на кровати студентъ. Передъ нимъ на ночномъ столикѣ свѣча и листъ почтовой бумаги. Студентъ быстро пишетъ, на минуту останавливается, шепчетъ что то про себя, покачиваетъ головой, напряженно улыбается и опять пишетъ. Вотъ онъ глубоко обмакнулъ перо въ чернила, потомъ зачерпнулъ имъ, какъ ложечкой жидкаго стеарину около фитиля и суетъ эту смѣсь въ огонь. Она трещитъ и брызжетъ во всѣ стороны бойкими синими огоньками. Этотъ фейерверкъ напоминаетъ студенту что то смѣшное, полузабытое изъ далекаго дѣтства. Онъ глядитъ на пламя свѣчки, кося глаза и разсѣяннo и печально улыбаясь. Потомъ вдругъ, точно очнувшись, встряхиваетъ головой, вздыхаетъ и, быстро обтерши перо о рукавъ синей рубашки, продолжаетъ писать:

«Ты скажи имъ все, что скажетъ тебѣ мое письмо и чему, я знаю, ты повѣришь. Меня они все равно не поймутъ, а у тебя есть слова, простые и понятныя для нихъ. Странно одно: вотъ я пишу тебѣ и знаю, что черезъ десять, пятнадцать минутъ я застрѣлюсь, и эта мысль совсѣмъ не страшитъ меня. Но когда съдой огромный жандармскій полковникъ весь побагравѣлъ и съ руганью затопалъ на меня ногами, я растерялся. Когда онъ закричалъ, что мое упорство напрасно и только губитъ меня и моихъ товарищей, и что Бѣлоусовъ и Книгге, и Соловейчикъ сознались, то я подтвердилъ. Я—не боящійся смерти, испугался окрика этого тупого, ограниченнаго человѣка, закостенѣвшаго въ своемъ профессиональномъ апломбѣ. И что всего подлѣе—вѣдь онъ на другихъ не смѣлъ кричать, а былъ любезенъ, предупредителенъ и слащавъ, какъ провинціальный зубной врачъ, былъ даже либераленъ. Во мнѣ же онъ сразу понялъ уступчивую и дряблую волю. Это чувствуется между людьми безъ слова, съ одного взгляда.

Да, я сознаю, что все это вышло дико и презрѣнно, и смѣшно, и отвратительно. Но иначе не могло быть; и если бы повторилось, то вышло бы по прежнему. Отчаянной храбрости, боевые генералы очень часто боятся мышей. Они иногда даже бравируютъ этой маленькой слабостью. А я съ печалью говорю, что больше смерти боюсь этихъ деревянныхъ людей, жестко застывшихъ въ своемъ міросозерцаніи, глупо-самоувѣренныхъ, не знающихъ колебаній. Если бы ты зналъ, какъ робѣю я и стѣсняюсь передъ монументальными городскими, передъ откормленными, мордатными петербургскими швейцарами, передъ барышнями въ редакціяхъ журналовъ, передъ секретарями въ судахъ, передъ лаю-

щими начальниками станцій! Когда мнѣ однажды пришлось свидѣтельствовать въ участкѣ подпись, то одинъ видъ толстаго пристава съ рыжими подусниками въ ладонь, съ выпяченной грудью и съ рыбьими глазами, который все меня перебивалъ, недослушивалъ, на минуты забывалъ о моемъ присутствіи, или вдругъ притворялся непонимающимъ самой простой русской рѣчи, — одинъ его видъ привелъ меня въ такой гадкій трепетъ, что я самъ слышалъ въ своемъ голосѣ заискивающія рабскія интонаціи.

Кто виноватъ въ этомъ? Я тебѣ скажу: моя мать. Это она была первой причиной того, что вся моя душа загажена, развращена подлой трусостью. Она рано овдовѣла, и мои первыя дѣтскія впечатлѣнія неразрывны со скитаньемъ по чужимъ домамъ, клянчаньемъ, подобострастными улыбками, мелкими, но нестерпимыми обидами, угодливостью, попрошайничествомъ, слезливыми, жалкими гримасами, съ этими подлыми уменьшительными словами: кусочекъ, капелька, чашечка чайку... Меня заставляли цѣловать ручки у благодѣтелей, — у мужчинъ и у женщинъ. Мать увѣряла, что я не люблю того-то и того-то лакомага блюда, лгала, что у меня золотуха, потому что знала, что отъ этого хозяйскимъ дѣтямъ останется больше и что хозяевамъ это будетъ пріятно. Прислуга втихомолку издѣвалась надъ нами: дразнила меня горбатымъ, потому что я съ дѣтства держался сутуловато, а мою мать называли при мнѣ приживалкой и салонницей. И сама мать, чтобы разсмѣшить благодѣтелей, приставляла себѣ къ носу свой старый, трепанный кожаный портсигаръ, перегнувъ его вдвое, и говорила: «а вотъ носъ моего сыночка Лёвущки». Они смѣялись, а я краснѣлъ и безконечно страдалъ въ эти минуты за нее и за себя, и молчалъ, потому что мнѣ въ гостяхъ запрещалось говорить. Я ненавидѣлъ этихъ благодѣтелей, глядѣвшихъ на меня, какъ на неодушевленный предметъ, сонно, лѣниво и снисходительно совавшихъ мнѣ руку въ ротъ для поцѣлуя, и я ненавидѣлъ и боялся ихъ, какъ теперь ненавижу и боюсь всѣхъ опредѣленныхъ, самодовольныхъ, шаблонныхъ, трезвыхъ людей, знающихъ все напередъ: — кружковыхъ ораторовъ, старыхъ, волосатыхъ румяныхъ профессоровъ, невиннымъ либерализмомъ кокетничающихъ, внушительныхъ и елейныхъ соборныхъ протопоповъ, жандармскихъ полковниковъ, радикальныхъ женщинъ-врачей, твердящихъ впопыхахъ куски изъ прокламацій, но съ душой холодной, жесткой и плоской, какъ мраморная доска. Когда я говорю съ ними, я чувствую, что на моемъ лицѣ лежитъ противной маской чужая, поддакивающая, услужливая улыбка и презираю себя за свой заискивающій тонкій голосъ, въ которомъ ловлю отзвукъ прежнихъ материнскихъ нотокъ. Души этихъ людей мертвы, мысли окоченѣли въ прямыхъ, твердыхъ линіяхъ, и сами они без-

пощадны, какъ только можетъ быть безпощаденъ увѣренный и глупый человѣкъ.

Отъ семи до десяти лѣтъ я пробылъ въ закрытомъ благотворительномъ казенномъ пансіонѣ съ фребелевской системой воспитанія. Тамъ классныя дамы, озлобленныя дѣвы, всѣ страдавшія флюсомъ, насаждали въ насъ почтеніе къ благодѣтельному начальству, взаимное подглядываніе и наушничество, зависть къ любимчикамъ и главное—самое главное—тишайшее поведеніе; мы же—мальчишки, сами собою культивировали воровство и онализмъ. Потомъ изъ милости меня приняли въ казенный пансіонъ при гимназій. Тамъ было все, что бываетъ въ казенныхъ пансіонахъ: обыски и шпионство со стороны надзирателей, бессмысленный зубрежь, куренье въ третьемъ классѣ, водка въ четвертомъ, въ пятомъ—первая публичная женщина и первая нехорошая болѣзнь.

Дальше вдругъ повѣяло новыми молодыми словами, буйными мечтами, свободными пламенными мыслями. Мой умъ съ жадностью развернулся имъ навстрѣчу, но моя душа была уже навѣки опустошена, мертва и опозорена. Низкая неврастичная боязливость впиалась въ нее, какъ клещъ въ собачье ухо: оторвешь его, останется головка, и онъ опять выростетъ въ цѣлое гнусное насѣкомое.

Не я одинъ погибъ отъ этой моральной заразы. Я, можетъ быть, былъ слабѣйшимъ изъ всѣхъ. Но, вѣдь, все прошлое поколѣніе выросло въ духѣ набожной тишины насильственного почтенія къ старшимъ, въ безличности и безгласности. Будь же проклято это подлое время, время молчанія и нищенства, это благоденственное и мирное житіе подъ безмолвной сѣвную благочестивой реакціи! Потому что тихое оподлѣніе души человѣческой ужаснѣе всѣхъ баррикадъ и разстрѣловъ въ мірѣ.

Странно: когда я одинъ на одинъ съ моей собственной волей, я не только не трусь, но я даже мало знаю людей, которые такъ легко способны рисковать жизнью. Я ходилъ по карнизамъ отъ окна къ окну на пятиэтажной высотѣ, и глядѣлъ внизъ, я заплывалъ такъ далеко въ море, что руки и ноги отказывались служить мнѣ и я, чтобы избѣгнуть судороги, ложился на спину и отдыхалъ. И многое, многое другое. Наконецъ, черезъ десять минутъ я убью себя, а это тоже, вѣдь, чего-нибудь да стоитъ. Но людей я боюсь. Людей я боюсь! Когда я слышу, какъ пьяные ругаются и дерутся на улицѣ, я блѣднѣю отъ ужаса въ своей комнатѣ. А когда я ночью, лежа въ постели, представляю себѣ пустую площадь и несущійся по ней съ грохотомъ взводъ казаковъ, я чувствую, какъ сердце у меня перестаетъ биться, какъ холодѣетъ все мое тѣло и мои пальцы судорожно корчатся. Я на всю жизнь

испуганъ чѣмъ-то, что есть въ большинствѣ людей и чего я не умѣю объяснить. Таково было и все молодое поколѣніе предыдущаго, переходнаго времени. Мы въ умѣ презирали рабство, но сами росли трусливыми рабами. Наша ненависть была глубока, страстна, но безплодна, и была она похожа на безумную влюбленность кастрата.

Но ты все поймешь и все объяснишь товарищамъ, которымъ я передъ смертью говорю, что люблю ихъ и уважаю, несмотря ни на что. Можетъ быть, они повѣрятъ тебѣ, что я умеръ вовсе не потому, что невольно и низко предалъ ихъ. Я знаю, что нѣтъ въ мірѣ ничего страшнѣе этого страшнаго слова «предатель», которое, идя отъ устъ къ ушамъ, отъ устъ къ ушамъ, заживо умерщвляетъ человѣка. О, я съумѣлъ бы загладить мою ошибку, не будь я рожденъ и воспитанъ рабомъ человѣческой наглости, трусости и глупости. Но именно оттого, что я таковъ, я и умираю. Въ теперешнее великое, огненное время позорно, и тяжело, и прямо невозможно жить такимъ, какъ я.

Да, мой дорогой, я въ послѣдніе годы очень много слышалъ, видѣлъ и читалъ. Я говорю тебѣ: настала минута ужаснаго вулканическаго изверженія. Вырвалось пламя долго сдержаннаго гнѣва и потопило все: боязнь завтрашняго дня, почтеніе къ предкамъ, любовь къ жизни, мирныя сладости семейнаго благополучія. Я знаю о мальчикахъ, почти дѣтяхъ, которые отказывались надѣвать повязку на глаза передъ разстрѣломъ. Я самъ видѣлъ людей, перенесшихъ пытки и не сказавшихъ ни слова. И все это родилось внезапно, появилось въ какомъ-то бурномъ дыханіи, изъ яиць индюшекъ вдругъ выклевались орлята. Пусть-ка кто-нибудь удержитъ ихъ полетъ!

Я положительно увѣренъ, что теперешній гимназистъ шестиклассникъ въ присутствіи всѣхъ монарховъ и всѣхъ полицеймейстеровъ Европы, въ любой тронной залѣ, твердо, толково и даже, пожалуй, нѣсколько дерзко заявить о требованіи своей партіи. Онъ, правда, чуть-чуть смѣшонъ, этотъ скороспѣлый гимназистъ. но въ немъ уже растетъ священное уваженіе къ своему радостному, гордому, свободному я, именно къ тому, что изъ насъ вытравилъ духовная нищета и трепетная родительская мораль. Ну—и къ чорту насъ!

Сейчасъ безъ восьми девять. Ровно въ девять—со мной будетъ кончено. Собака лаетъ на дворѣ—разъ, два, потомъ помолчитъ и—разъ, два, три. Можетъ быть, когда угаснетъ мое сознание и вмѣстѣ съ нимъ навѣки исчезнетъ для меня все: города, площади, парходные свистки, утры и вечера, номера гостинницъ, тиканье часовъ, люди, звѣри, воздухъ, свѣтъ и тьма, время и пространство и не будетъ ничего, даже не будетъ мысли объ

этомъ «ничего»—можетъ быть, эта собака долго еще будетъ лаять вынѣшнимъ вечеромъ—сначала два раза, потомъ три.

Деять безъ пяти минутъ. Смѣшная идея меня занимаетъ. Я думаю: мысль человѣка это какъ бы токъ отъ электрическаго центра, это какая-то широкая, напряженная вибрація невѣсомой матеріи, разлитой въ міровомъ пространствѣ, и проникающей одинако легко между атомами камня, желѣза и воздуха. Вотъ мысль вышла изъ моего мозга и вся міровая сфера задрожала, заколебалась вокругъ меня, какъ вода отъ брошеннаго камня, какъ звукъ вокругъ звенящей струны. И мнѣ думается, что человѣкъ уходитъ, сознание его уже потухло, но мысль его еще остается, еще дрожить въ прежнемъ мѣстѣ. Можетъ быть, мысли и сны всѣхъ людей, бывшихъ до меня въ этой длинной, мрачной комнатѣ, еще рѣютъ вокругъ меня и тайно направляютъ мою волю? И, можетъ быть, завтра случайный посѣтитель этого номера задумается внезапно о жизни, о смерти, о самоубійствѣ, потому что я оставляю здѣсь послѣ себя мою мысль? И, почему знать, можетъ быть, не завися ни отъ вѣса, ни отъ времени, ни отъ преградъ матеріи, мои мысли въ одинъ и тотъ же моментъ ловятся таинственными, чуткими, но безсознательными приѣмниками въ мозгу обитателя Марса, также какъ и въ мозгу собаки, лающей на дворѣ? Ахъ, я думаю, что ничто въ мірѣ не пропадаетъ—ничто!—не только сказанное, но и кодуманное. Всѣ наши дѣла, слова и мысли—это ручейки, тонкіе подземные ключи. Мнѣ кажется, я вижу, какъ они встрѣчаются, сливаются въ родники, просачиваются на верхъ, стекаются въ рѣчки—и вотъ уже мчатся бѣшено и широко въ стройной «Рѣкѣ Жизни». Рѣка жизни—какъ это громадно! Все она смоетъ рано или поздно, смететъ всѣ твердыни, оковавшія свободу духа. И гдѣ была раньше отмѣль пошлости—тамъ сдѣлается величайшая глубина героизма. Вотъ сейчасъ она увлечетъ меня въ непонятную холодную даль, а можетъ быть, не далѣе, какъ черезъ годъ, она хлынетъ на весь этотъ огромный каменный городъ и потопитъ его и унесетъ съ собою не только его развалины, но и самое его имя!

А можетъ быть, все это смѣшно, что я пишу. Осталось двѣ минуты. Горитъ свѣчка, часы торопливо постукиваютъ предо мною. Собака все еще лаетъ. А что, если ничего не останется ни отъ меня, ни во мнѣ, но останется только одно, самое послѣднее ощущеніе—можетъ быть, боль, можетъ быть, звукъ выстрѣла, можетъ быть, голый, дикій ужасъ, но останется навсегда, на тысячи милліоновъ вѣковъ, возведенныхъ въ милліардную степень.

«Стрѣлка дошла. Сейчасъ мы все это увидимъ. Нѣтъ, подожди: какая-то смѣшная стыдливость заставила меня встать и запереть

дверь на ключъ. Прощай. Еще два слова: а, вѣдь, темная душа собаки должна быть гораздо болѣе воспріимчива къ вибраціямъ мысли, чѣмъ человѣческая... Не оттого-ли они и воютъ, почувавъ покойника. А? Вотъ и эта собака, что лаетъ внизу. Теперь она уже чувствуетъ тревогу. Но черезъ минуту отъ центральной батареи моего мозга побѣгутъ страшными скачками новые чудовищные точки, и коснутся больного мозга собаки. И она завоетъ въ нестерпимомъ, непонятномъ, смѣшномъ ужасѣ... Прощай. Иду».

Студентъ запечаталъ письмо, аккуратно заткнулъ для чего-то пробкой чернильницу, всталъ съ кровати и досталъ изъ кармана тужурки Браунингъ, перевелъ предохранитель съ «sig» на «feu». Разставивъ ноги для устойчивости, зажмурился. И вдругъ быстро поднеся обѣими руками револьверъ къ лѣвому виску, онъ нажалъ гашетку.

— Что это?—тревожно спрашиваетъ Анна Фридриховна.

— А это твой студентъ застрѣлился,—небрежно шутить поручикъ.—Такія все сволочи—эти студенты...

Но Анна Фридриховна вскакиваетъ и бѣжитъ въ корридоръ, поручикъ лѣнливо слѣдуетъ за ней. Изъ номера пятого кисло пахнетъ газами бездымнаго пороха. Смотрятъ въ замочную щелку—студентъ лежитъ на полу.

Черезъ пять минутъ у подъѣзда гостиницы уже стоитъ черная, густая, жадная толпа, и Арсеній съ озлобленіемъ гонитъ постороннихъ съ лѣстницы. Въ гостиницѣ суeta. Слесарь взламываетъ дверь запертаго номера, дворникъ бѣжитъ за полиціей, горничная за докторомъ. Черезъ нѣкоторое время появляется околоточный надзиратель, высокій, тонкій молодой человѣкъ съ бѣлыми волосами, бѣлыми рѣсницами и бѣлыми усами. Онъ въ мундирѣ и въ широчайшихъ шароварахъ, спускающихся до половины лакированныхъ сапогъ. Онъ тотчасъ же напираетъ грудью на публику и, выкативши свѣтлые глаза, гремитъ начальственно.

— Ос-сади назадъ! Р-р-разойтись! И не понимаю, господа, что-т-тутъ вы нашли любопытнаго. Ровно ничего. Господинъ... убѣдительно прошу... А еще кажется интеллигентный человѣкъ, въ котелкѣ... Што-съ? А вотъ я вамъ покажу полицейскій произволь-съ. Михальчукъ, замѣть этого. Эй, мальчишка, куда лѣзешь! Я-ть!..

Дверь взломана. Въ номеръ пятый входятъ: надзиратель, Анна Фридриховна, поручикъ, четверо дѣтей, понятые, городской, два дворника—впослѣдствіи докторъ. Студентъ лежитъ на полу, уткнувшись лицомъ въ сѣрый коврикъ передъ кроватью, лѣвая рука у него подогнута подъ грудь, правая откинута, револьверъ валяется въ сторонѣ. Подъ головой лужа темной крови, въ лѣвомъ

24079

м.в. 14842

м.в. 160327

вискъ круглая, маленькая дырочка. Свѣча еще горитъ и часы на ночномъ столкѣ поспѣшно тикаютъ.

Составляется короткій протоколъ въ казенныхъ словахъ, и къ нему прилагается оставленное самоубійцей письмо... Двое дворниковъ и городской несутъ трупъ внизъ по лѣстницѣ. Арсеній свѣтитъ, высоко поднявъ лампу надъ головой. Анна Фридриховна, надзиратель и поручикъ смотрятъ сверху изъ окна въ корридорѣ. Несущіе на поворотѣ разладились въ движеніяхъ, застряли между стѣной и перилами и тотъ, который поддерживалъ сзади голову, опускаетъ руки. Голова рѣзко стучается объ одну ступеньку, о другую, о третью.

— Такъ его! такъ его! — озлобленно кричитъ изъ окна хозяйка.—Такъ ему и надо, подлецу! Я еще на чай дамъ!

— Какія вы кровожадныя, мадамъ Зигмайеръ —игриво замѣчаетъ надзиратель и, закрутивъ усъ, скашиваетъ глаза на его кончикъ.

— А еще бы! Теперь въ газету изъ за него попадешь. Я женщина бѣдная, трудящая, а теперь изъ за него люди будутъ мою гостиницу обѣгать.

— Это конечно,—любезно соглашается надзиратель.—И удивляюсь я на этихъ господъ студентовъ. Учиться не хотятъ, красные флаги какіе то выбрасываютъ, стрѣляются. Не хотятъ понять, каково это ихнимъ родителямъ. Ну еще бѣдные—чертъ съ ними, прельщаются на жидовскія деньги. Но, вѣдь, и порядочные люди туда же, сыновья дворянъ, священниковъ, купцовъ... Народъ! Однако мадамъ, пожелавъ вамъ всего хорошаго...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, ни за что! —схватываетъ хозяйка.— У насъ сейчасъ ужинъ... селедочка. А такъ я васъ ни за что не пушу.

— Собственно говоря...—мнется околоточный.—А, впрочемъ, пожалуй, Я, признаться, и такъ хотѣлъ зайти напротивъ къ Нагурному перехватить чегонибудь. Наша служба—говоритъ онъ, вѣжливо пропуская даму въ двери—наша служба тяжелая. Иногда и цѣлый день во рту куска не бываетъ.

За ужиномъ всѣ трое пьютъ много водки. Анна Фридриховна, вся раскраснѣвшаяся, съ сіяющими глазами и губами, какъ кровь, сняла подъ столомъ одну туфлю и ногой въ чулкѣ жметъ ногу околоточному. Поручикъ хмурится, ревнуетъ и все пытается рассказать о томъ, какъ «у насъ въ полку». Околоточный же не слушаетъ его, перебиваетъ и рассказываетъ о потрясающихъ случаяхъ «у насъ въ полиціи». Каждый изъ нихъ старается быть какъ можно небрежнѣе и невнимательнѣе къ другому, и оба они похожи на двухъ только что встрѣтившихся во дворѣ кобелей.

— Вотъ вы все—«у насъ въ полку»,—говоритъ, глядя не на

поручика, а на хозяйку надзиратель. — А позвольте полюбопытствовать, почему вы вышли изъ военной службы?

— Позвольте съ,—возражаетъ обидчиво поручикъ.—Однако, я васъ не спрашиваю, какъ вы дошли до полиціи? Какъ дошли вы до жизни такой?

Но тутъ Анна Фридриховна вытаскиваетъ изъ угла музыкальный ящикъ «Монопанъ» и заставляетъ Чижевича вертѣть ручку. Послѣ небольшихъ упрашиваній околodочный танцуетъ съ нею польку—она скачетъ какъ дѣвочка, и на лбу у нея прыгаютъ крутыя кудряшки. Затѣмъ вертитъ ручку околodочный, а танцуетъ поручикъ, прикрутивъ руку хозяйки къ своему лѣвому боку и высоко задравъ голову. Танцуетъ и Аличка съ опущенными рѣсницами и со своей странной, нѣжно-развратной улыбкой на губахъ.

Околodочный уже окончательно прощается, когда появляется Ромка.

— Да-а.—Я студента провожалъ, а вы безъ меня-а-а. Я какъ соба-а-ака...

А то что было прежде студентомъ уже лежитъ въ холодномъ подвалѣ анатомическаго театра, на цинковомъ ящикѣ, на льду,—лежитъ освѣщенное газовымъ рожкомъ,—обнаженное, желтое, отвратительное. На правой голй ногѣ выше щиколки толстыми чернильными цифрами у него написано 14. Это его номеръ въ анатомическомъ театрѣ.

А. Купринъ.